

ИМЯ В НАУКЕ

В.В. Бутнев*, Р.Н. Ласточкина**

ОСНОВАТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ШКОЛЫ ПРОЦЕССУАЛИСТОВ

Аннотация: В статье дается краткая характеристика научных идей профессоров В.М. Горшенева, П.Ф. Елисейкина, Я.О. Мотовиловкера о сущности юридического процесса и особенностях ее отраслевого проявления. Профессор В.М. Горшенев – один из основателей теории «широкого» юридического процесса, полагавший, что процессуальное право не ограничивается традиционными отраслями. Рассматривал процессуальные отношения как разновидность служебных организационных отношений. В отличие от организационных отношений, входящих в предмет регулирования материальных отраслей права, процессуальные отношения строятся на началах субординации с участием органа, стоящего над сторонами «организуемого» отношения. Выделял разновидности юридического процесса: учредительный; правотворческий; правоприменительный, контрольный. Профессор П.Ф. Елисейкин исследовал фундаментальные проблемы гражданского процесса на базе общей теории права. Центральным звеном механизма судебной защиты считал предмет судебной деятельности. Право на защиту рассматривал как самостоятельное субъективное право, не тождественное нарушенному материальному праву и процессуальному праву на обращение в суд. Предмет судебной защиты (нарушенное регулятивное правоотношение) отличал от предмета судебной деятельности (охранительного правоотношения). Частично поддерживая теорию В.М. Горшенева, П.Ф. Елисейкин считал юридическим процессом правоохранительную деятельность юрисдикционных органов, был сторонником теории «широкого» гражданского процессуального права, а также создания административного процесса. Профессор Я.О. Мотовиловкер, являясь представителем либерального направления в теории уголовного процесса, разрабатывал философские и процессуальные аспекты объективной истины как цели процесса; создал собственную концепцию предмета уголовно-процессуальной деятельности и предпосылок уголовного судопроизводства. Понимание уголовного процесса, состоятельного и основанного на презумпции невиновности как гарантии установления истины и способа защиты невиновного от незаконного и необоснованного уголовного преследования, – парадигма уголовного судопроизводства в понимании профессора Я.О. Мотовиловкера. Результаты исследований В.М. Горшенева, П.Ф. Елисейкина, Я.О. Мотовиловкера во многом легли в основу современного процессуального права.

Ключевые слова: Горшенев, Елисейкин, Мотовиловкер, научное наследие, теория процесса, процессуальное право, право на защиту, проблема объективной истины, гражданский процесс, уголовный процесс.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.1.9688

© Бутнев Виктор Вадимович, Ласточкина Римма Николаевна

* Кандидат юридических наук, зав. кафедрой гражданского права и процесса Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

[av_chirkova@mail.ru]

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

** Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

[rimma-last@mail.ru]

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

Горшенев

Современная ярославская школа процессуального права начала создаваться в 1970 г. – с воссозданием Ярославского государственного университета.

Крупнейшим представителем ярославской юридической школы был профессор Виктор Михайлович Горшенев (1924–1993). Он известен прежде всего как один из наиболее ярких основателей теории «широкого» юридического процесса. Сторонники этой теории, активное обоснование которой относится к 60–80-м гг. XX в., стремятся определить общетеоретические понятия материального и процессуального права, выявить роль процессуальных норм в механизме правового регулирования общественных отношений в различных областях общественной жизни. Они полагают, что сфера процессуального права не ограничивается только традиционными отраслями – уголовным и гражданским процессом.

«...*Процессуальное право*, призванное обслуживать потребности реализации норм материального права, – писал В.М. Горшенев, – является *производным* от последнего и имеет по отношению к нему всегда подчиненный, вспомогательный характер. Однако производность эта прослеживается не прямо, а через такое промежуточное звено, как правоприменительная деятельность уполномоченных на то субъектов, которая непосредственно и обуславливает необходимость норм процессуального права, призванных регулировать специфические организационно-процессуальные отношения, складывающиеся в процессе осуществления данной деятельности»¹.

Обосновывая теорию «широкого» юридического процесса, Горшенев опирался на более общее понятие организационных норм и отношений. Вслед за О.А. Красавчиковым² он считал, что в предмете любой отрасли можно выделить два пласта общественных отношений: 1) «организуемые» общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления насущных потребностей людей во всех сферах жизни; 2) организационные отношения, направленные на упорядочение (нормализацию) процессов в организуемых отношениях. Последние обладают относительной

самостоятельностью и требуют специально-правового регулирования. Существенные черты организационных отношений, по мнению Горшенева, проявляются в том, что они: имеют вспомогательный, служебный характер по отношению к «организуемым» социальным связям; складываются не ради осуществления своих интересов, а ради реализации «чужого» интереса, заключенного в «организуемых» отношениях; построены на началах субординации и, как правило, имеют иной состав участников, нежели связанных с ними «организуемых» отношений. «Изложенная характеристика, – отмечал автор, – организационных отношений дает основание утверждать, что в качестве предмета регулирования организационные и «организуемые» отношения в различном соотношении и с разной степенью связи между собой одинаково имеют место применительно ко всем отраслям советского права... Причем если организационные отношения, например, строятся на началах субординации и устанавливаются по вертикали, то они приобретают качество процедурно-процессуальных организационных отношений и регулируются процедурно-процессуальными нормами, выделяемыми из отраслей материального права с различной степенью группировки, вплоть до самостоятельных отраслей процессуального права. Если же организационные социальные связи строятся на началах координации и устанавливаются по горизонтали, то они приобретают качество локальных организационных отношений и регулируются локальными организационными нормами, включенными в качестве составных частей в соответствующие материальные отрасли права»³. Горшенев не ограничивал юридический процесс правоприменением. Он считал это понятие органически связанным с правовой формой деятельности, юридическая природа которой заключается в том, что «она связана с рассмотрением *юридического дела*, т.е. осуществляется на основе норм права и всегда влечет определенные юридические последствия»⁴.

Обобщая изложенное, Горшенев полагал, что «*юридический процесс – это комплексная система органически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов*

¹ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 220.

² Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 56.

³ Горшенев В.М. Указ. соч. С. 30–31.

⁴ Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 8.

права, которая: а) выражается в совершении операций с нормами права в связи с решением определенных юридических дел; б) осуществляется уполномоченными органами государства и должностными лицами в пользу заинтересованных субъектов права; в) закрепляется в соответствующих правовых актах – официальных документах; г) регулируется процедурно-процессуальными нормами; д) обеспечивается соответствующими способами юридической техники»⁵. Эта деятельность осуществляется в процессуальной форме, под которой он понимал «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата. Другими словами, процессуальная форма представляет собой особую юридическую конструкцию, воплощающую принципы наиболее целесообразной процедуры осуществления определенных полномочий»⁶.

Одной из главных классификаций разновидностей юридического процесса Горшенев считал разделение его по видам государственной деятельности. В этой связи он выделял: 1) учредительный процесс (деятельность по формированию, ликвидации и преобразованию государственных органов и иных управляющих субъектов, в том числе избирательный процесс); 2) правотворческий процесс (деятельность по созданию нормативных актов); 3) правоприменительный процесс (деятельность по рассмотрению и разрешению самых различных юридических дел), который он делил на правонаделительный, рассчитанный на нормальную, повседневную жизнь общества, и правоохранительный (деятельность по разрешению конфликтных ситуаций); 4) контрольный процесс (деятельность соответствующих органов по наблюдению и проверке соблюдения подчиненными органами нормативных актов и пресечению правонарушений. Разновидностью контрольного процесса Горшенев считал прокурорский надзор⁷.

Теория Горшенева приобрела множество сторонников и противников⁸. Ее главный не-

достаток – отсутствие четкого критерия разграничения материального и процессуального в праве, различия в предметах регулирования материального и процессуального права. Соглашаясь с их мнением, пришлось бы почти все нормы материального права отнести к области процесса⁹. Вместе с тем следует признать, что теория Горшенева всколыхнула научную общественность, поставила проблему юридического процесса, процессуальной формы на общетеоретический уровень, дала толчок к исследованию механизма правового регулирования под новым, чрезвычайно интересным углом зрения.

Ученый исследовал также проблемы нетипичных нормативно-правовых¹⁰ предписаний, юридической ответственности¹¹ и др.

Краткий очерк не может, естественно, отразить всю широту научных взглядов и интересов Горшенева. Тем более он не может передать обаяния его личности, увлеченность своим делом, умение заразить этой увлеченностью своих учеников.

Елисейкин

Известным исследователем сущности гражданско-процессуальной формы является доктор юридических наук, профессор, первый заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЯрГУ Петр Федорович Елисейкин (1930–1980). Главное, что отличало П.Ф. Елисейкина – это стремление исследовать наиболее фундаментальные проблемы гражданского процесса на базе общей теории права. Круг его научных интересов был очень широк. Им углубленно разрабатывались проблемы предмета и метода гражданского процессуального права, принципов данной отрасли права, норм гражданского процессуального права, гражданских процессуальных правоотношений, иска, неисковых производств гражданского процесса. И все же главным направлением научной деятельности Елисейкина было ис-

ционные правоотношения и гражданский процесс // Юридические записки Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Вып. 14. Ярославль, 2010. С. 48–60.

⁹ Боннер А.Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. 1978. № 4. С. 25.

¹⁰ Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–115.

¹¹ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. С. 96.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976. С. 13 (авторы главы – В.М. Горшенев, П.Е. Недбайло). См. также: Теория юридического процесса. С. 51 – 64.

⁷ Теория юридического процесса. С. 65–71.

⁸ Обзор литературы по проблеме см.: Бутнев В.В. Реализация юридической ответственности в гражданском процессе. Ярославль, 1985. С. 46–50; Он же. Организа-

следование механизма защиты субъективных гражданских прав, изучение взаимодействия охранительных механизмов материального и гражданского процессуального права.

Наиболее полно научные идеи Елисейкина были изложены в докторской диссертации «Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение)», успешно защищенной в Ленинградском государственном университете 12 декабря 1974 г.¹² Ученый считал, что проблема предмета судебной деятельности в гражданском процессе сводится к определению взаимосвязи гражданских процессуальных и соответствующих им материально-правовых отношений, к вопросу о том, на какие общественные отношения и каким образом воздействуют нормы гражданского судопроизводства, к определению места этих норм и регулируемых ими отношений в механизме правового регулирования¹³. Понятие предмета судебной деятельности он выводил из анализа более общей проблемы – объекта правоотношения. Проанализировав достоинства и недостатки существовавших тогда теорий «объекта – действия» и «объекта – вещи», он пришел к выводу, что эти теории не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. Считая права и обязанности юридическим содержанием правоотношений, Елисейкин присоединился к мнению ученых, отстаивавших концепцию двух объектов правоотношения – внутреннего и внешнего. Он полагал, что поведение субъектов составляет внутренний объект правоотношения, а материальные или духовные блага – его внешний объект или предмет. В той мере, в какой нет безобъектных правоотношений, в такой же мере не может быть отношений беспредметных, существующих вне связи с материальными и духовными благами. Несмотря на неразрывную связь между ними, объект и предмет правоотношения – все же различные явления: если предмет отвечает на вопрос, *на что* (на какое благо) может быть направлено поведение людей, то объект отвечает на другой вопрос – *как* (с помощью каких средств: поведения, действий и т.п.) может быть реализовано такое благо¹⁴. Автор считал, что ответ на вопрос, чье поведение является объектом гражданских процессуальных правоотношений, зависит от понятия таких правоотноше-

ний. Сложившиеся в науке того времени на этот счет мнения – о едином сложном отношении (М.А. Гурвич, В.Н. Щеглов, М.С. Шакарян), множестве отношений (Н.А. Чечина, И.А. Жеруолис), – по его мнению, принципиально не отличались друг от друга. «В процессе рассмотрения каждого дела складывается несколько элементарных отношений, которые объединяются в отдельные системы, а эти системы, в свою очередь, составляют единое сложное гражданское процессуальное правоотношение. Причем, если объектом элементарного отношения может быть поведение как суда, так и любого иного участника процесса, объектом сложного отношения является поведение только суда. Происходит так потому, что содержание сложного отношения составляют право заинтересованных лиц на обращение в суд за защитой и обязанность суда – оказать такую защиту»¹⁵. В отличие от М.А. Гурвича Елисейкин утверждал, что деятельность остальных участников процесса нельзя рассматривать как совместное с судом осуществление правосудия, так как последнее – исключительно судебная обязанность. Указанную обязанность автор рассматривал в качестве внутреннего объекта сложного гражданского процессуального правоотношения. Внешним объектом или предметом такого правоотношения Елисейкин считал то, на что направлено поведение суда при осуществлении правосудия по гражданским делам. Таким образом, предмет судебной деятельности и предмет сложного гражданского процессуального правоотношения – одно и то же явление.

В качестве предмета судебной деятельности в науке назывались в том числе и спорные материально-правовые отношения (Н.А. Чечина, М.А. Гурвич). Критикуя эту идею, автор отмечал: приняв такое определение, нужно допустить либо беспредметность процесса (на случай, если устанавливается отсутствие такого отношения), либо признать за судьей право в стадии возбуждения дела проверять, есть ли в действительности такое отношение. «Ни то, ни другое, – подчеркивал Елисейкин, – принять нельзя. Не соответствует такая точка зрения и действительному положению вещей: отказывая в удовлетворении иска в связи с тем, что спорное отношение не существовало, суд действует не беспредметно, поскольку были утверждения истца и возражения ответчика, и, следовательно, перед судом проходило как предмет его деятельности известное отношение сторон процесса. Критикуемое определение исходит из

¹² Елисейкин П.Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1974.

¹³ Елисейкин П.Ф. Указ. соч. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ Там же. С. 8.

тождества предмета деятельности и предмета судебной защиты, тогда как в действительности такого совпадения не может быть: предметом судебной деятельности является требование истца и возражение ответчика, объектом же защиты – существующие в действительности нарушенные или оспоренные права либо охраняемые законом интересы»¹⁶.

Главным вкладом Елисейкина в исследование механизма судебной защиты субъективных прав следует считать три взаимосвязанных вывода: право на защиту является самостоятельным субъективным правом, не тождественным ни нарушенному материальному праву, ни процессуальному праву на обращение в суд; предмет судебной защиты (нарушенное регулятивное правоотношение) не тождествен предмету судебной деятельности (охранительному правоотношению); охранительные правоотношения складываются между сторонами процесса без участия суда; суд является субъектом только гражданских процессуальных правоотношений, носителем процессуальной обязанности отправления правосудия, реализуя которую он разрешает правовой спор, защищает нарушенные права и интересы.

Большое внимание Елисейкин уделял исследованию спора о праве гражданском как предмета судебной деятельности. Он считал, что советскому законодательству известны два понятия спора о праве: «1) материально-правовое – как известное состояние основанного на равенстве своих субъектов регулятивного правоотношения, возникающее в результате нарушения, существующее до и вне процесса; 2) процессуальное – представляющее собой охранительное правоотношение, которое возникает в связи с утверждением заинтересованного лица перед судом (а) о том, что у него есть интерес (б), охраняемый законом (в), но нарушенный или оспариваемый (г) данным ответчиком (д) и поэтому нуждающийся в защите (е)»¹⁷. Ученый четко не разграничивал понятия охранительного правоотношения и спора о праве в процессуальном смысле, иногда отождествлял их. «Основание рассматриваемого охранительного отношения (спора о праве в процессуальном смысле), – писал он, – составляет предъявление заинтересованным лицом материально-правового требования (иска в материальном смысле) к ответчику

и его обращение к суду»¹⁸. «Основное право заинтересованного лица требовать от ответчика отчета за свое поведение, составляя **содержание** данного отношения, предполагает право (и обязанность) истца сформулировать свои требования, обосновать их ссылкой на определенные факты, доказать их. Ответчик, в свою очередь, вправе знать существо предъявленных к нему требований, возражать против них, обосновывать и доказывать свои возражения»¹⁹. Из этих высказываний создается впечатление, что охранительное правоотношение (спор о праве между истцом и ответчиком) возникает не в момент нарушения субъективного права и не в момент появления разногласий между сторонами гражданского оборота, а в момент предъявления иска, обращения к суду. Такой вывод был бы, однако, преждевременным, что следует из анализа других работ Елисейкина, посвященных охранительным нормам и правоотношениям.

Елисейкин, как и другие сторонники охранительных норм и правоотношений, считал, что в изучении нормативной основы механизма правового регулирования необходимо выявлять специфику правовых норм в зависимости от выполняемых ими функций. Регулятивные нормы регулируют нормальное, позитивное поведение, охранительные – поведение субъектов в конфликтной ситуации. Те и другие характеризуются своими особыми предметами, «своими» специфическими общественными отношениями. Охранительные отношения противостоят нормальным, обычным отношениям субъектов права. Регулятивные и охранительные отношения требуют разных методов правового регулирования, специфических средств воздействия²⁰. «Если же отличительные особенности предметов и методов регулирования обуславливают выделение отдельных институтов и отраслей права, то не меньше оснований для выделения регулятивных и охранительных норм как отдельных видов советских правовых норм»²¹. По мнению ученого, охранительные нормы четко выделяются своим местом в механизме правового регулирования. «Об охранительной норме можно и нужно говорить в ее связи с

¹⁸ Елисейкин П.Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 14.

²⁰ Елисейкин П.Ф. Правоохранительные нормы (понятие, виды, структура) // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1977. С. 28.

²¹ Елисейкин П.Ф. Правоохранительные нормы... С. 28.

¹⁶ Там же. С. 10–11.

¹⁷ Там же. С. 13.

См. также: Елисейкин П.Ф. Спор о праве как общественное отношение // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. Свердловск, 1978. С. 110–120.

той нормой, которую она призвана охранять, то есть в связи с соответствующей регулятивной нормой. Вне этой связи охранительная норма утрачивает свой правоохранительный характер – она остается всего лишь нормой, регулирующей поведение людей, то есть регулятивной нормой. С другой стороны, регулятивная норма вне связи с охранительной утрачивает свой юридический характер вообще, характер правила поведения, обеспечиваемого принудительной силой государства»²². Следует подчеркнуть, что деление норм права на регулятивные и охранительные производится безотносительно их принадлежности к различным отраслям права, а также безотносительно к делению норм права на материальные и процессуальные. Охранительные нормы есть в любых отраслях права, рассчитанных на позитивное регулирование (гражданском, семейном, трудовом, административном и т.д.). Кроме того, нормы одной отрасли права могут защищаться с помощью норм другой отраслевой принадлежности.

Важнейшим компонентом механизма защиты субъективных прав, подчеркивал автор, выступают охранительные правоотношения, опосредствующие поведение субъектов в конфликтной ситуации. Елисейкин критиковал позицию авторов (М.А. Гурвич, С.Н. Братусь, В.А. Тархов и др.), полагавших, что защита субъективных прав происходит в рамках правоотношений, имевших место до правонарушения, путем их принудительного осуществления. Он справедливо указывал на то, что такая концепция обедняет представление о механизме правового регулирования, создает иллюзию того, что принудительное осуществление права является единственным способом его защиты. Между тем это не так, отмечал ученый, многие субъективные права в случае их нарушения вообще не могут быть принудительно осуществлены. Некоторые субъективные права прекращают свое существование в результате правонарушения (право собственности в случае уничтожения имущества). Кроме того, защите подлежат не только субъективные права, но и охраняемые законом интересы, то есть не опосредованные регулятивным субъективным правом социальные потребности. В результате нарушения абсолютного субъективного права собственности возникают относительные правоотношения по его защите. Правонарушение может вызвать к жизни правоотношения иной отраслевой принадлежности, чем нару-

шенные (например, наряду с возмещением имущественного вреда к правонарушителю могут применяться меры административной и уголовной ответственности). Все это говорит о том, что в результате правонарушения, оспаривания и других помех в осуществлении права возникает новое и относительно самостоятельное субъективное право (право на защиту), которому корреспондирует новая, до правонарушения не существовавшая обязанность правонарушителя, входящая в содержание охранительного правоотношения²³.

Данная концепция Елисейкина противостоит мнению процессуалистов, полагающих, что охранительные правоотношения складываются с обязательным участием суда (С.В. Курылев, В.Н. Щеглов, О.В. Иванов и др.). Она основывается на следующих положениях: 1) меры защиты и меры ответственности предусмотрены санкциями материальных норм права; 2) в отраслях права, строящихся на принципах юридического равенства субъектов, защита может осуществляться без юрисдикционного органа (применение мер оперативного воздействия к неисправному контрагенту, добровольная реализация ответственности правонарушителем, доюрисдикционное урегулирование разногласий сторонами). Отсюда Елисейкин сделал справедливый вывод о том, что суд является субъектом не охранительных материальных, а процессуальных правоотношений. Попадая на рассмотрение суда, охранительное правоотношение по своим предпосылкам, содержанию, субъектам и объекту остается неизменным и не сливается с гражданским процессуальным правоотношением. Оно лишь приобретает форму гражданского дела, становится предметом судебной деятельности²⁴.

Взяв за основу взгляды О.Е. Красавчикова и В.М. Горшенева²⁵, Елисейкин развил теорию организационных норм и правоотношений, разграничив понятия организационной и процессуальной нормы и классифицировав

²³ Елисейкин П.Ф. Понятие иска как процессуального средства защиты прав и интересов // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1976. С. 84–90.

²⁴ Елисейкин П.Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1975. С. 5–10.

²⁵ Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения. С. 56; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. С. 30.

²² Там же.

организационные нормы на организационно-регулятивные и организационно-охранительные в зависимости от «обслуживаемых» ими «организуемых» норм²⁶. Будучи противником теории «широкого» юридического процесса (В.М. Горшенев), Елисейкин считал неправильным отождествление процессуальных и организационных норм, процесса и юридической процедуры. Понятие процесса он связывал исключительно с правоохранительной деятельностью юрисдикционных органов. Вместе с тем защита субъективных прав может, по мнению ученого, осуществляться не только юрисдикционными органами, но и с помощью локальных организационных норм и правоотношений самими участниками охранительного правоотношения (самозащита, добровольное возмещение вреда, совместное урегулирование разногласий). Елисейкин подчеркивал, что «доюрисдикционное урегулирование разногласий и характеризующие его признаки суть проявления наиболее существенных элементов метода гражданско-правового регулирования: юридического равенства субъектов, их инициативы в формировании и развитии своих отношений, начал диспозитивности и автономии в осуществлении принадлежащих им прав, имущественной ответственности», что для отраслей, строящихся на принципах юридического равенства, локальные формы защиты «нельзя расценивать как нечто случайное, не характерное для данных отраслей права. Наоборот, для последних они типичны, в известных пределах – нормальны»²⁷. Очень актуальное для наших дней высказывание. Сейчас, когда проблема расширения возможностей обращения в суд во многом решена, опять заговорили о необходимости совершенствования несудебных форм защиты гражданских прав, установления некоего баланса между ними и правосудием.

Рассмотрение проблем гражданского процессуального права во взаимосвязи с «обслуживаемыми» им отраслями материального права – главная установка в научно-исследовательской деятельности Елисейкина. Именно исходя из такой взаимосвязи и взаимозависимости материальных и процессуальных отраслей Елисейкин стремился ре-

шать специальные, «собственные» проблемы гражданского процессуального права. Считая гражданское процессуальное право самостоятельной отраслью права, обладающей своими собственными предметом и методом правового регулирования, Елисейкин не поддерживал теорию судебного права (Полянский, Строгович и др.), сторонники которой объединяли в рамках единой отрасли нормы судопроизводства, гражданского процессуального и уголовно-процессуального права. По его мнению, «правильнее в судебном праве видеть не новую отрасль, а определенную группу самостоятельных отраслей, звено укрупненной классификации отраслей. Если же судебное право понимать именно так, то это позволит рассматривать нормы процессуального права в системе и взаимосвязи. Речь, таким образом, будет идти о комплексном изучении проблем судостройства, гражданского процессуального и уголовно-процессуального права, что безусловно должно принести положительные результаты. Однако такой подход ни в коей мере не должен означать игнорирования или недооценки связей процессуальных и материальных отраслей»²⁸.

Елисейкин поддержал теорию «широкого» гражданского процессуального права (Н.Б. Зейдер, В.Н. Щеглов, Р.Ф. Каллистратова и др.), полагая, что эта отрасль охватывает своим воздействием не только правосудие, но и несудебные формы защиты. По его мнению, предмет деятельности арбитража и третейского суда во многом совпадает с предметом гражданского судопроизводства. А этим объясняется то, что в методах правового регулирования арбитражного и третейского процессов достаточно широко используются элементы диспозитивности, состязательности, равноправия спорящих сторон, правомочия на одностороннее волеизъявление, иск и др. Отдельные отличия от их одноименных элементов гражданского судопроизводства, конечно, есть, но они не играют существенной роли и вполне укладываются в рамки гражданско-процессуального метода регулирования.

Исходя из своего понимания гражданского дела как предмета судебной деятельности, Елисейкин определял подведомственность как обусловленное природой материально-правовых отношений, из которых возникло данное дело, его свойство, способность быть рассмотренным уполномоченным на то ор-

²⁶ Елисейкин П.Ф. Понятие, виды и структура советских гражданских процессуальных норм // Юридические гарантии применения права и режим законности. Ярославль, 1976. С. 108–109.

²⁷ Елисейкин П.Ф. Природа доюрисдикционного урегулирования разногласий // Вопросы развития и защиты прав граждан. Калинин, 1975. С. 59 – 60.

²⁸ Елисейкин П.Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права. Ярославль, 1974. С. 55.

ганом в установленном законом порядке²⁹. Свойствами предмета судебной деятельности Елисейкин объяснял процессуальные особенности судебного рассмотрения отдельных категорий гражданских дел. Особый интерес представляет его суждение о видах гражданского судопроизводства. Полагая, что отношения власти и подчинения (государственные, административные, финансовые) не могут порождать правовых споров, Елисейкин проанализировал процессуальные особенности рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений. Вопреки мнению подавляющего большинства цивилистов-процессуалистов (И.А. Жеруолиса, Д.М. Чечота, Р.Е. Гукасяна и др.), он пришел к выводу об административно-процессуальном характере изъятий из общих правил рассмотрения гражданских дел в данном виде гражданского судопроизводства, о наличии в законодательстве о судостроительстве и судопроизводстве элементов будущего административного процесса. В настоящее время, когда активно обсуждается проблема создания административного судопроизводства, нелишне вспомнить строки, написанные сорок лет назад: «Конечно, сейчас трудно сказать, по какому пути пойдет развитие советского законодательства о правосудии. Однако отвергать наличие элементов административного процесса в действующем законодательстве нельзя. Не исключено, что они явятся зародышем административного процесса как самостоятельной формы правосудия, особенно если учесть чуть ли не единодушные предложения о расширении судебной компетенции по надзору за административными актами и активизацию разработки проблем административно-процессуального права»³⁰.

Елисейкина отличали обширные знания в области юриспруденции, огромное трудолюбие и увлеченность любимым делом. Особенно следует отметить его уважительный тон в научной дискуссии. Не только унижение оппонента в какой-либо форме, но даже иронию он считал недопустимым приемом в полемике. Краткий очерк, естественно, не может дать полного представления об этом блестящем ученом и его трудах, который ушел от нас в возрасте пятидесяти лет в расцвете своего таланта.

²⁹ Елисейкин П.Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Вопросы государства и права. Владивосток, 1969. Т. 31. Ч. 1. С. 75; Елисейкин П.Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе. С. 15.

³⁰ Елисейкин П.Ф. Особенности судебного рассмотрения отдельных категорий гражданских дел. Ярославль, 1974. С. 32.

Мотовиловкер

Первым заведующим кафедрой уголовного права и процесса (1975 г.) был доктор юридических наук, профессор Яков Овсеевич Мотовиловкер (1910–1991).

Будучи выпускником Варшавского университета и уже находясь в Советском Союзе, он постоянно занимался изучением польской юриспруденции. Ему принадлежит ряд оригинальных работ по ее проблемам³¹, а также множество статей и рецензий на работы польских авторов³².

В 1970 г. в издательстве Томского университета увидела свет работа Мотовиловкера «Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики». В ней рассмотрены проблемы соотношения уголовного и уголовно-процессуального права, процессуальной формы, возможность применения процессуального закона по аналогии. Последняя из этих проблем до сих пор не решена действующим уголовно-процессуальным законом. В этом смысле интересна позиция, сформулированная в том числе в данном исследовании относительно пределов допустимости применения аналогии в уголовном процессе: ее нельзя применять не в пользу обвиняемого или иного лица; она неприменима к исключительным нормам, составляющим изъятие из правила; путем применения аналогии нельзя ограничивать процессуальные гарантии и принципы процесса.

Обращаясь к вопросам доказательственного права, Мотовиловкер рассматривает проблему двойственной роли показаний обвиняемого как средства доказывания и средства защиты, доказательственного значения таких показаний. Несмотря на относительную давность написания работы, можно отметить

³¹ Мотовиловкер Я.О. Обжалование и пересмотр приговоров в уголовном процессе народно-демократической Польши: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950; Уголовно-процессуальное законодательство Польской Народной Республики / перевод с польского и прим. М., 1964. 29; Он же. Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики (в освещении польских процессуалистов). Томск, 1970; Гарантии прав личности в уголовном процессе ПНР / под ред. Я.О. Мотовиловкера. Ярославль, 1976.

³² См., например: Рец. на кн.: Шафф Л. Уголовный процесс Народной Польши. М., 1953 // Советское государство и право. 1954. № 8. С. 140–142; Рец. на кн.: Шафф Л. Объем и формы предварительного расследования. Варшава, 1961 // Правоведение. 1963. № 1. С. 133–138; Рец. на кн.: Цесьляк М. Недействительность решений в уголовном процессе ПНР. Варшава, 1965 // Правоведение. 1968. № 6. С. 141–143; Новый Уголовно-процессуальный кодекс ПНР // Советская юстиция. 1971. № 15. С. 31 и др.

перспективный характер авторских предложений и суждений. Это касается гарантий прав подсудимого при заочном судебном разбирательстве, ныне нашедших отражение в УПК РФ; запрета отказывать в удовлетворении ходатайства о допросе дополнительных свидетелей по мотиву доказанности обстоятельств дела – тезис, который сегодня приобрел актуальность с точки зрения состязательности в доказывании, и др.

Во второй части работы Мотовиловкер знакомит читателя с отдельными положениями польского уголовно-процессуального законодательства, в которых содержатся решения, отличающиеся от решения аналогичных вопросов в законодательстве СССР, исследуется возможность использования польского опыта. На первое место в ряду описания такого положительного опыта поставлено законодательное закрепление принципа презумпции невиновности, которое отсутствовало в тот период в советском законодательстве. Приветствуется также определение понятия потерпевшего как лица, «правовой интерес которого преступлением непосредственно нарушен или поставлен под угрозу». До сих пор наш уголовно-процессуальный закон связывает понятие потерпевшего с причинением преступлением морального, физического или имущественного вреда (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Очевидно, что использование категории интереса в понятии потерпевшего делает его более гибким, охватывающим все возможные случаи общественно опасного посягательства. Только в последнее десятилетие благодаря позиции Конституционного Суда РФ органы уголовного преследования признали фигуру фактического подозреваемого. В анализируемой работе вслед за М. Цесляком и М. С. Строговичем ученый уже в 1970 г. ставил вопрос о наделении правом на защиту *фактического обвиняемого*.

Основное внимание Мотовиловкер сосредоточил на нескольких научных проблемах.

Проблема объективной истины. Она поставлена уже в одной из первых крупных работ в 1962 г.³³ и развита впоследствии³⁴. Установление истины ученый считал целью уголовного процесса, а принцип всестороннего,

полного и объективного исследования обстоятельств дела – важнейшим в судопроизводстве, отражающим основные черты и свойства содержания уголовно-процессуальной деятельности. Однако несмотря на значение установления истины для правильного разрешения дела, ученый не мог отрицать того, что процессуальная форма, конституционные права граждан ставят пределы для достижения этой цели. Надо заметить, что его позиция относительно пределов действия данного принципа менялась. Если изначально автор сомневался в применимости категории «истина» к решению в приговоре вопросов права, то в последней монографии ученый приходит к иным выводам: «Истинными или ложными могут быть суждения-сообщения в описательной части приговора независимо от того, касаются ли они вопросов факта или права ... Истинными или ложными могут быть суждения-сообщения в резолютивной части приговора, включая решение о назначении наказания... В требовании истинности выводов суда относительно не только установления фактов, но и квалификации деяния и назначения наказания – важнейшая гарантия интересов личности и правосудия»³⁵. Именно в последнем утверждении объяснение того, почему автор строит такую сложную конструкцию истины: предложенная концепция позволяет защитить гражданина и правосудие от произвола.

Как философ проявляет себя Мотовиловкер в исследованиях о соотношении абсолютной и относительной истины в уголовном судопроизводстве: истина, устанавливаемая в уголовном процессе, является и абсолютной как истина факта и относительной, поскольку не включает все связи и отношения события, отражает преступление лишь как фрагмент действительности.

*Предмет уголовного процесса*³⁶. Позиция Мотовиловкера по данному вопросу стояла особняком в уголовно-процессуальной доктрине. Традиционно предметом уголовного процесса считалось нечто «материальное»: обвинение, событие преступления, уголовно-правовое отношение, уголовная ответственность и т.д.³⁷ Ученый считал, что

³³ Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 18–21.

³⁴ Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974; Он же. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978.

³⁵ Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права. Воронеж, 1984. С. 70.

³⁶ Мотовиловкер Я.О. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974.

³⁷ Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 140; Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 93.

такие определения несут в себе обвинительный уклон, заранее предрешая наличие преступления. Они также противоречат правилам логики, ибо предметом процесса не может быть то, что пока не установлено. Поэтому он формулирует предмет уголовного процесса как проблему, которую должен разрешить суд: вопрос об уголовной ответственности лица за вменяемое ему деяние. Такой подход сродни определению предмета гражданского процесса в исковом производстве. Однако проводить прямую аналогию с гражданским процессом нельзя: во-первых, тогда это было невозможно по идеологическим соображениям; во-вторых, уголовное судопроизводство *обязательно* даже при отсутствии правового спора, когда обвиняемый признает свою виновность в преступлении. Понимая некоторую спорность определения предмета деятельности через категорию субъективного, Мотовиловкер в дальнейшем скорректировал свою позицию, определив предмет процесса как объективную реальность, охватываемую вопросом об уголовной ответственности лица за конкретное деяние³⁸. В принципе в своем понимании предмета процесса он был очень близок к концепциям дореволюционных русских процессуалистов.

На основании учения о предмете уголовного процесса исследовался предмет производства в отдельных стадиях процесса. Подобный подход позволял ученому сущностно определять основания для вынесения тех или иных процессуальных решений, пределы доказывания на различных стадиях процесса. В частности, осознавая, что УПК РСФСР в нормах о стадии предания суду ставит перед судом невыполнимые и противоречащие принципам процесса задачи, Мотовиловкер пытался предложить свое толкование этих задач и обосновывал предложения о совершенствовании закона в этой части. Именно принципиальное отличие предмета деятельности суда при исполнении приговора от предмета всего процесса послужило основанием для оценки исполнения приговора не как стадии, а как специального производства в рамках уголовного процесса.

Понятия «то же», «измененное» и «новое» обвинение. Данная проблема всегда имела принципиальное значение для уголовного процесса с точки зрения обеспечения обвиняемому права на защиту. От их толкования зависят содержание обвинительного заключе-

ния и приговора, полномочия прокурора и судов различных инстанций. Этими понятиями оперирует закон, судебная и следственная практика. До сих пор можно услышать в суде выступление государственного обвинителя, в котором он в нарушение ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ заявляет о частичном отказе от обвинения, предлагая исключить из юридической квалификации квалифицирующий признак. Однако еще в 1962 г. Мотовиловкер разграничению данных понятий посвятил целый параграф монографии, рассмотрев проблему на примерах реальных уголовных дел³⁹. Обвинение ученый всегда рассматривал как единство факта и его юридической оценки и на этой основе сформулировал критерии разграничения исследуемых понятий. Если лицо осуждено за то же деяние, по поводу которого ему было предъявлено обвинение, при этом не изменилась фабула обвинения и юридическая оценка деяния, то очевидно, что речь идет о «том же» обвинении. Если изменились фактические обстоятельства и (или) юридическая оценка того же преступного деяния, даже если выявились новые эпизоды, не требующие отдельной квалификации, или то же событие потребовало дополнительной квалификации как идеальная совокупность преступлений, то налицо «измененное» обвинение. И только если выявлено новое преступное событие, необходимо возбуждать новое уголовное дело и вести речь о «новом» обвинении. Юридическая логика здесь безупречная, поэтому именно на такой позиции стоит сегодня действующий закон (ст. 175 УПК РФ) и судебная практика⁴⁰.

*Основные уголовно-процессуальные функции и принцип состязательности процесса*⁴¹. Отстаивать идеи состязательности уголовного процесса в условиях, когда даже термина такого не употреблял уголовно-процессуальный закон, а сам принцип рассматривался как буржуазный, было достаточно смело. В рамках проблематики состязательности исследовались вопросы, остающиеся актуальными до настоящего времени: об ограничении активности суда в состязательном процессе, ограничении состязательности в досудебном производстве, обвинительной функции потерпевшего. Конечно, на позицию ученого не

³⁹ Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории... С. 26–50.

⁴⁰ См., например: п. 9–11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) «О судебном приговоре».

⁴¹ Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976.

³⁸ Мотовиловкер Я.О. О предмете и движущей силе уголовного процесса // Правоведение. 1987. № 6. С. 81–83.

могли не повлиять идеологические установки того времени; внешне некоторые его суждения могут восприниматься как конформистские. Но если внимательно читать текст, то можно понять, что принцип состязательности не предопределяет активность суда, ограничение состязательности обусловлено природой досудебного производства, потерпевший должен обладать правами для осуществления обвинения. Конечно, парадигма советского уголовного процесса, отрицавшего принцип состязательности, не позволяла ученому быть до конца последовательным. Так, считавшееся буржуазным понятие «уголовное преследование» не использовалось законодателем, поэтому Мотовиловкер рассматривал обвинение не как функцию следователя, а только как результат его деятельности. Но, по крайней мере, у него хватало здравого смысла, чтобы возлагать на следователя одну процессуальную функцию (расследования, т.е. собирания доказательств), а не всех возможных (обвинения, защиты и разрешения дела), как это делали другие авторы⁴².

Пожалуй, не нуждается в детальном анализе позиция ученого относительно принципа состязательности. Достаточно открыть его учебные пособия «Основные уголовно-процессуальные функции» (1976 г.) и «О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса» (1978 г.) и сравнить их содержание с текстом действующего УПК РФ, чтобы убедиться, насколько прав был профессор в оценке сути и значения состязательного построения уголовного судопроизводства.

Принцип презумпции невиновности. О презумпции невиновности Мотовиловкер писал всегда. Если в ранних его работах она именовалась «так называемая»⁴³, то впоследствии оговорка отпала, и принцип зазвучал в полный голос, не будучи даже обозначенным в законе. Данный принцип ученый относил к числу аксиом уголовного процесса, без которых само судопроизводство теряет смысл. Формулировки правил презумпции невиновности, на которые опирался автор, ныне полностью вошли в УПК РФ. Наиболее ценными представляются выводы Мотовиловкера относительно соотношения принципов презумпции невиновности и объективной истины, поскольку раскрывают как гносеологическое, так

и гуманистическое значение презумпции невиновности. Ученый вовсе не противопоставлял эти принципы друг другу. «Достоверность, полная доказанность виновности как необходимое условие обвинительного приговора – это общий вывод, который действительно вытекает из обоих принципов»⁴⁴. Но когда суд оправдывает подсудимого ввиду непричастности к преступлению («за недоказанностью участия в совершении преступления» – так это основание именовалось УПК РСФСР) или признает установленными обстоятельства в пользу подсудимого, основываясь на толковании не принципа объективной истины, а принципа презумпции невиновности.

Процессуальные гарантии. Уже первую монографическую работу Мотовиловкер в большей части посвятил уголовно-процессуальным гарантиям прав обвиняемого⁴⁵. В дальнейшем он рассматривал в качестве процессуальных гарантий не одно процессуальное средство, а их систему: правовые нормы, принципы, процессуальные институты, рассматривая их во взаимосвязи⁴⁶. Проблематика процессуальных гарантий в исследованиях профессора Мотовиловкера лишней раз характеризовала его как процессуалиста-либерала. Он детально анализировал такие процессуальные коллизии, в которых закон отдает предпочтение интересам личности, может быть даже вопреки интересам правосудия (например запрет преобразования к худшему в кассационной, надзорной инстанциях и при новом рассмотрении дела после отмены первоначального приговора). По его мнению, область правосудия – это область гарантий интересов личности и лишь потом – область общественных интересов⁴⁷.

Процессуальная форма. Процессуальную форму Мотовиловкер понимал прежде всего как гарантию прав личности и правосудия. Каждой процессуальной процедуре он мог найти объяснение. Но при этом ученый не был сторонником формализма в процессе, понимая, что не всякое процессуальное правило влияет на постановление приговора. Отсюда его пози-

⁴⁴ Там же. С. 52.

⁴⁵ Мотовиловкер Я.О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. С. 103–178.

⁴⁶ Мотовиловкер Я. О. О гарантиях интересов личности и правосудия // Советское государство и право. 1974. № 6. С. 100–107.

⁴⁷ Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела... С. 55–58.

⁴² Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.

⁴³ Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории... С. 154.

ция: только те процессуальные нарушения, которые ставят под сомнение законность и обоснованность приговора, должны влечь его отмену или изменение⁴⁸. В ту пору, когда термина «допустимость доказательств» еще не было в законе, Мотовиловкер опубликовал материалы о сущности данного правового требования, его соотношении с достоверностью доказательств, а также о том, всякое ли нарушение закона при получении доказательства должно влечь признание его недопустимым⁴⁹. Умение увидеть проблему, *природно* значимую для уголовного процесса, и предвидеть ее решение без скидок на идеологию и национально-исторические особенности – подлинное достоинство ученого-обществоведа.

*Предпосылки уголовного процесса*⁵⁰. Мотовиловкер был, наверное, единственным советским процессуалистом, который занимался проблематикой предпосылок уголовного процесса именно в теоретическом аспекте. Предпосылками он считал юридические условия, без наличия которых процесс не может начаться, нормально развиваться и заканчиваться имеющим законную силу приговором. Он рассматривал их основаниями и поводами к возбуждению уголовного дела применительно к отдельным категориям дел и к отдельным стадиям процесса, по сути, создав в доктрине уголовного процесса целостное учение о данном правовом явлении. В частности, ученый выделял позитивные (наличие заявления потерпевшего по делу частного обвинения) и негативные (отсутствие акта об амнистии), общие (для всех уголовных дел) и частные (для отдельных категорий дел, например отсутствие примирения потерпевшего с обвиняемым по делу частного обвинения), условные (устраняемые, в частности отсутствие примирения потерпевшего с обвиняемым по делу частного обвинения) и безусловные (неустраняемые, например истечение срока давности уголовного преследования), материально-правовые (истечение срока давности уголовного преследования) и процессуальные (явка гражданского истца или его представителя в

судебное разбирательство как условие разрешения иска при рассмотрении уголовного дела). Многие его идеи относительно роли предпосылок процесса реализованы в УПК РФ. Это запрет прекращать уголовное дело ввиду отсутствия предпосылок процесса, если производство необходимо для реабилитации лица (ч. 2 ст. 27 УПК РФ); включение в число предпосылок процесса соблюдение иммунитетов отдельных должностных лиц (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); сохранение права на примирение при возбуждении уголовного дела в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Некоторые выводы ученого еще ждут своей реализации. В частности, до сих пор ч. 1 ст. 148 УПК предусматривает вынесение решения об отказе в возбуждении уголовного дела только при отсутствии основания для возбуждения, в то время как подобное решение выносится и при отсутствии одной из предпосылок процесса (п. 3–6 ч. 1 ст. 24 УПК).

*Проверка законности и обоснованности приговора*⁵¹. Практически в каждой работе ученый обращался к проблемам проверки правосудности приговоров. Им рассматривалось соотношение понятий «законность» и «обоснованность» приговора, сущность оснований к отмене или изменению приговора, условные и безусловные кассационные основания, действие запрета преобразования к худшему, природа вновь открывшихся обстоятельств. В частности, по мнению Мотовиловкера, основаниями к отмене или изменению приговора являются такие нарушения закона, которые повлекли или могли повлечь постановление незаконного или необоснованного приговора, затрудняют или делают невозможной его проверку, а также новые обстоятельства, исключающие дальнейшее производство по делу или признание приговора законным и обоснованным⁵². Во многих работах рассматривалось соотношение дополнительных материалов и вновь открывшихся обстоятельств, вновь открывшихся обстоятельств и кассационных оснований. Вместе со своей аспиранткой Е.Б. Мизулиной ученый доказал, что вновь открывшиеся обстоятельства обладают всеми признаками кассационных оснований, но устанавливаются особым образом, что и объ-

⁴⁸ Мотовиловкер Я.О. Против формализма в уголовном процессе и за строгое соблюдение форм судопроизводства по уголовным делам // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль, 1985. С. 3–13.

⁴⁹ Мотовиловкер Я.О. О допустимости средств доказывания и достоверности доказательств в советском уголовном процессе // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 82–86.

⁵⁰ Мотовиловкер Я.О. Предпосылки советского уголовного процесса. Ярославль, 1984.

⁵¹ Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории... Гл. III; Он же. Проверка законности и обоснованности приговора: учебное пособие. Ярославль, 1975.

⁵² См.: Мотовиловкер Я.О. О сущности кассационного основания и содержании правосстановительной санкции в уголовном процессе // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан: Межвуз. сб. Калинин, 1980. С. 65–66.

ясняет существование специального производства⁵³. Пожалуй, никем, кроме профессора Мотовиловкера, не исследовался так детально и во всех проявлениях запрет преобразования к худшему в кассационной, надзорной инстанциях и при возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам. В частности, действие запрета в вышестоящем суде анализируется в зависимости от повода к кассационному или надзорному пересмотру, основания обжалования, предмета обжалования, количества осужденных или оправданных; действие запрета при новом рассмотрении дела – как с учетом уже перечисленных обстоятельств, так и в зависимости от оснований отмены ранее вынесенного судебного акта.

Здесь приведен далеко не весь перечень проблем, составлявших научный интерес Мотовиловкера. В их ряду были еще вопросы о соотношении уголовного и уголовно-процессуального права, уголовно-правовых и процессуальных правоотношений, об уголовно-процессуальной ответственности, этических аспектах адвокатской деятельности, о презумпции истинности вступившего в силу приговора и многие другие. По сути, писать о научном наследии Мотовиловкера – это значит писать об уголовном процессе вообще, а это материя неисчерпаемая.

Библиография:

1. Боннер А.Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. – 1978. – № 4.
2. Бутнев В.В. Организационные правоотношения и гражданский процесс // Юридические записки Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. – Вып. 14. – Ярославль, 2010.
3. Бутнев В.В. Реализация юридической ответственности в гражданском процессе. – Ярославль, 1985.
4. Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики (в освещении польских процессуалистов). – Томск, 1970.
5. Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. – М., 1962.
6. Гарантии прав личности в уголовном процессе ПНР / под ред. Я. О. Мотовиловкера. – Ярославль, 1976.
7. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания // Советское государство и право. – 1978. – № 3.
8. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1972.
9. Елисейкин П.Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Вопросы государства и права. – Владивосток, 1969. – Т. 31. – Ч. 1.
10. Елисейкин П.Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. – Ярославль, 1975.

⁵³ Мотовиловкер Я.О., Мизулина Е.Б. Дополнительные материалы и вновь открывшиеся обстоятельства // Советская юстиция. 1982. № 11. С. 14–15.

Всегда отстаивавший либеральные ценности в уголовном судопроизводстве, Мотовиловкер мог бы сегодня считать выполненной свою задачу как ученого, видя в тексте УПК РФ положения, обоснованию которых он посвятил множество работ. В ряду таких законодательных положений можно назвать закрепление в ст. 14 УПК принципа презумпции невиновности, а в ст. 15 – принципа состязательности, причем именно в тех формулировках, которые он отстаивал; расширение участия защитника; освобождение суда на стадии подготовки дела к слушанию от решения вопросов, предрешающих приговор (гл. 33, 34 УПК РФ); предоставление потерпевшему права участвовать в судебных прениях (ч. 2 ст. 292 УПК РФ); правило достижения искусственного большинства голосов при коллегиальном постановлении приговора (ч. 3 ст. 301 УПК РФ). Перечень можно было бы продолжить. Научная интуиция, тонкое понимание природы процесса позволили ученому, наряду с другими видными процессуалистами, предвидеть направление развития уголовного судопроизводства.

***

Ярославскому государственному университету очень повезло, что у истоков его возрождения стояли такие личности, как профессора Горшенев, Мотовиловкер, Елисейкин.

11. Елисейкин П.Ф. Особенности судебного рассмотрения отдельных категорий гражданских дел. – Ярославль, 1974.
12. Елисейкин П.Ф. Понятие иска как процессуального средства защиты прав и интересов // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1976.
13. Елисейкин П.Ф. Понятие, виды и структура советских гражданских процессуальных норм // Юридические гарантии применения права и режим законности. – Ярославль, 1976.
14. Елисейкин П.Ф. Правоохранительные нормы (понятие, виды, структура) // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1977.
15. Елисейкин П.Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права. – Ярославль, 1974.
16. Елисейкин П.Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (его понятие, место и значение): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1974.
17. Елисейкин П.Ф. Природа доюрисдикционного урегулирования разногласий // Вопросы развития и защиты прав граждан. – Калинин, 1975.
18. Елисейкин П.Ф. Спор о праве как общественное отношение // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. – Свердловск, 1978.
19. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. – 1966. – № 10.
20. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986.
21. Мотовиловкер Я.О., Мизулина Е.Б. Дополнительные материалы и вновь открывшиеся обстоятельства // Советская юстиция. – 1982. – № 11.
22. Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. – Кемерово, 1962.
23. Мотовиловкер Я. О. О предмете и движущей силе уголовного процесса // Правоведение. – 1987. – № 6.
24. Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состоятельности процесса. – Ярославль, 1978.
25. Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Вопросы факта и права. – Воронеж, 1984.
26. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. – Ярославль, 1976
27. Мотовиловкер Я. О. Предмет советского уголовного процесса. – Ярославль, 1974.
28. Мотовиловкер Я. О. Проверка законности и обоснованности приговора. – Ярославль, 1975.
29. Мотовиловкер Я. О. Против формализма в уголовном процессе и за строгое соблюдение форм судопроизводства по уголовным дела // Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе. – Ярославль, 1985.
30. Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. – Ярославль, 1974.
31. Мотовиловкер Я.О. Предпосылки советского уголовного процесса. – Ярославль, 1984.
32. О допустимости средств доказывания и достоверности доказательств в советском уголовном процессе // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. – М., 1981.
33. Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. – Харьков, 1985.
34. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск, 1974.
35. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – М., 1976.

References (transliteration):

1. Gorshenev V.M. Sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovanija v socialisticheskom obshhestve. – М., 1972.
2. Krasavchikov O.A. Grazhdanskije organizacionno – pravovye otnoshenija// Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1966. – №10.
3. Teorija juridicheskogo processa / pod red. V.M. Gorsheneva. – Har'kov. 1985
4. Juridicheskaja processual'naja forma: Teorija i praktika. – М., 1976.
5. Butnev V.V. Realizacija juridicheskoi otvetstvennosti v grazhdanskom processe. – Jaroslavl', 1985.
6. Butnev V.V. Organizacionnye pravootnoshenija i grazhdanskij process // Juridicheskie zapiski Jarosl. gos. un-ta im. P.G. Demidova. Vyp.14. – Jaroslavl', 2010.
7. Bonner A.T. K. Marks o sootnoshenii material'nogo prava i processa // Pravovedenie. – 1978. – № 4.
8. Gorshenev V.M. Netipichnye normativnye predpisanija// Sov. gosudarstvo i pravo. – 1978. – № 3.

9. Elisejkin P.F. Predmet sudebnoj dejatel'nosti v sovetskom grazhdanskom processe (ego ponjatie, mesto i znachenie): avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. – Leningrad. 1974.
10. Elisejkin P.F. Spor o prave kak obshhestvennoe otnoshenie // Voprosy jeffektivnosti sudebnoj zashhity sub#ektivnyh prav. – Sverdlovsk. 1978.
11. Elisejkin P.F. Pravoohranitel'nye normy (ponjatie, vidy, struktura) // Zashhita subektivnyh prav i sovetskoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo. – Jaroslavl', 1977.
12. Elisejkin P.F. Ponjatie iska kak processual'nogo sredstva zashhity prav i interesov // Problema zashhity sub#ektivnyh prav i sovetskoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo. – Jaroslavl', 1976.
13. Elisejkin P.F. O ponjatii i meste ohranitel'nyh otnoshenij v mehanizme pravovogo regulirovanija // Juridicheskie garantii primenenija prava i rezhim socialisticheskoj zakonnosti v SSSR. – Jaroslavl', 1975.
14. Krasavchikov O.A. Grazhdanskie organizacionno-pravovye otnoshenija // Sov. gosudarstvo i pravo. – 1966. – № 10.
15. Gorshenkov V.M. Sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovanija v socialisticheskom obshhestve. – M., 1972.
16. Elisejkin P.F. Ponjatie, vidy i struktura sovetskih grazhdanskih processual'nyh norm // Juridicheskie garantii primenenija prava i rezhim zakonnosti. – Jaroslavl', 1976.
17. Elisejkin P.F. Priroda dojurisdikcionnogo uregulirovanija raznoglasij // Voprosy razvitija i zashhity prav grazhdan. – Kalinin, 1975.
18. Elisejkin P.F. Predmet i principy sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava. – Jaroslavl', 1974.
19. Elisejkin P.F. Zashhita sub#ektivnyh prav i interesov i kompetencija suda v sovetskom grazhdanskom processe // Uch. zapiski «Voprosy gosudarstva i prava». – Vladivostok, 1969. T. 31.
20. Elisejkin P.F. Osobennosti sudebnogo rassmotrenija otidel'nyh kategorij grazhdanskih del. – Jaroslavl', 1974.
21. Obzhalovanie i peresmotr prigovorov v ugovolnom processe narodno-demokraticeskoy Pol'shi: dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 1950.
22. Garantii prav lichnosti v ugovolnom processe PNR / pod red. Ja. O. Motovilovkera. – Jaroslavl', 1976.
23. Motovilovker Ja. O. Nekotorye voprosy teorii sovetskogo ugovolnogo processa v svete novogo ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva. – Kemerovo, 1962.
24. Motovilovker Ja. O. Ustanovlenie istiny v sovetskom ugovolnom processe. – Jaroslavl', 1974.
25. Motovilovker Ja. O. Osnovnoj vopros ugovolnogo dela i ego komponenty. Voprosy fakta i prava. – Voronezh, 1984.
26. Motovilovker Ja. O. Predmet sovetskogo ugovolnogo processa. – Jaroslavl', 1974.
27. Galkin B. A. Sovetskij ugovolno-processual'nyj zakon. M., 1962. S. 140; Shpilev V. N. Soderzhanie i formy ugovolnogo sudoproizvodstva. – Minsk, 1974.
28. Motovilovker Ja. O. O predmete i dvizhushhej sile ugovolnogo processa // Pravovedenie. – 1987. – № 6.
29. Motovilovker Ja. O. Osnovnye ugovolno-processual'nye funkcii. – Jaroslavl', 1976.
30. Larin A. M. Rassledovanie po ugovolnomu delu: processual'nye funkcii. – M., 1986.
31. Motovilovker Ja. O. O garantijah interesov lichnosti i pravosudija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1974. – № 6.
32. Motovilovker Ja. O. Protiv formalizma v ugovolnom processe i za strogoe sobljudenie form sudoproizvodstva po ugovolnym dela // Problemy ohrany prav i zakonnyh interesov lichnosti v socialisticheskom ugovolnom prave i processe. – Jaroslavl'. 1985.
33. O dopustimosti sredstv dokazyvanija i dostovernosti dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe // Aktual'nye problemy dokazyvanija v sovetskom ugovolnom processe. – M., 1981.
34. Motovilovker Ja. O. Predposylki sovetskogo ugovolnogo processa. – Jaroslavl', 1984.
35. Motovilovker Ja. O. O sushhnosti kassacionnogo osnovanija i soderzhanii pravo-vosstanovitel'noj sankcii v ugovolnom processe // Ugolovno-pravovye i proces-sual'nye garantii zashhity konstitucionnyh prav grazhdan: Mezhevuz. sb. – Kalinin, 1980.
36. Motovilovker Ja. O., Mizulina E. B. Dopolnitel'nye materialy i vnov' otkryv-shiesja obstojatel'stva // Sovetskaja justicija. – 1982. – № 11.

Материал поступил в редакцию 24 сентября 2013 г.